

У Пестрого озера

Конечно, я не охватываю объема события и, возможно, не ухватываю главного его элемента. Потому что замысел всеобъемлющий, а в пестром наборе элементов главным кажется все. Фестиваль — БАЖОВСКИЙ. Бажов — имя для Урала эмблематическое. Урал же мыслится в данном случае не только как "опорный край державы", но и как центр грядущего возрождения России: не даром же к Челябинцам, начавшим это дело, присоединились свердловчане, и над праздником простер свое покровительство Всероссийский фонд культуры. Затем фестиваль — МЕЖДУНАРОДНЫЙ (Бажов, между прочим, работал и в Казахстане); естественно, сопровителями праздника, помимо казахов, выступили башкиры и узбеки. Включились и немцы, правда, не заграничные, а местные, но лиха беда начало. Ибо фестиваль этот — тот, на который я был приглашен в качестве гостя, — ТРЕТИЙ. Начало имеет продолжение.

"Третий международный бажовский фестиваль" — это уже традиция.

Итак, в семидесяти пяти километрах от Челябинска, близ Миасса, на берегу озера Чебаркуль (что по-башкирски означает "пестрое") в окрестностях базы отдыха завода "Станкомаш" (что это означает, я интересоваться не стал), нашли большое поле. Соорудили эстраду под синим небом. Возвели статую Хозяйки Медной Горы. Поставили камень с рериховским знаком.

Россыпь туристских палаток, занявших окружающее пространство, засвидетельствовала генетическую связь бажовцев со знаменитыми грушинскими праздниками самодетельной песни. Развешанные там и сям плакаты напомнили о другом преемстве: бажовцы возводят свое родословие к Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве 1957 года: именно тогда "пали первые преграды". Но самым потрясающим элементом генеалогии бажовцев кажется мне то, что запечатлено в полной юмора надписи над дверями одного из павильонов: "Уральский Римский клуб".

Смех смехом, а замысел серьезный: подхватить глобальную проблематику Римского клуба. Так что пока на эстраде идет безостановочный "гала-концерт национальных фольклорных коллективов стран СНГ", а в Городе мастеров — выставка-продажа самоцветов, кружев, свистков, шалей, книг и бутылок с кумысом, а в небе — десант парашютистов с флагами, а на лужайках — состязания лучников и батыров, а в кинозале — ретроспектива фильмов об Урале, в это самое время в клубе проявляется грядущая судьба Евразии: под эгидой Бажовской академии сокровенных знаний обсуждаются пути России.

Я, конечно, остановился бы на этом подробнее. Мне очень интересно: может или не может Велесова Книга быть принята как идейная база нового русского единения, более надежная, чем православие, но это потребовало бы большой печатной площади. Главное же вот что: прежде чем выбирать, в какие формы должно отлиться чаемое единство, надо ощутить его содержание, надо почувствовать, есть ли чему отливаться. Сейчас это вопрос вопросов: в центре России должна обозначить себя духовная энергия (Лев Гумилев сказал бы: пассионарная), которая могла бы за-

жечь сердца. Иными словами: или россияне иссякнут, жалуюсь на то, что "рожать некому" и "не от кого", и не придет ли кто нас пожалеть и купить, или люди, рождающиеся "от любых чресел", ЗАХОТЯТ стать россиянами и ими СТАНУТ... но для этого культура, идущая "издревле", должна соединиться с энергией, рождающейся сегодня.

Признаюсь, что по части второго условия я поначалу впал у Пестрого озера в некоторую печаль. Представьте себе: жара (праздник происходит в конце июня), и под палящим солнцем лужайка перед эстрадой — пуста. Может, люди залегли в палатки, может, полезли в озеро, но перед эстрадой — никого. Концерт идет полным ходом. Вывалившись из евразийской избы, я замираю от неловкости: башкирские девушки на сцене танцуют перед... пустым пространством.

Аплодисменты в конце номера вернули мне определенное равновесие, и я стал искать, где зрители. Оказалось, что они, укрываясь от жары, лежат под близлежащими кустами и оттуда темпераментно приветствуют артистов.

И все же я спросил у организаторов праздника: не тяжело ли певцам и танцорам выступать перед спрятавшимися зрителями по такой жаре, и вообще, откуда набралось столько артистов, что представление идет, как сказали бы члены Римского клуба, "нон-стоп".

Ответ меня потряс:

— Трудность не в том, чтобы набрать достаточное количество выступающих, а в том, чтобы их число ограничить: втиснуть в отведенное время. Все рвутся на сцену!

"Людей посмотреть, себя показать..." И ничто не помеха: ни жара, ни цены, ни расстояния. И деньги находятся: собрать и экипировать такие ансамбли, послать на Южный Урал. И силы находятся: пять дней подряд петь с утра до вечера... нет, до ночи, потому что пение продолжается и с темнотой — у костров... нет, еще дольше: когда костры гаснут, и "певческие дружины" начинают медленно расходиться по "жилым корпусам", — они, думаете, расходятся молча? Нет, они идут неспешно и продолжают петь, уже не по программе, а как само поется, и нырнувшие в койки обитатели базы отдыха либо продолжают спать под протяжную "Уральскую рябинушку", либо, выскочив в лоджию, приветствуют певцов, на манер средиземноморских зрителей — "с балкона".

У меня во втором часу ночи, честно говоря, уже не было пороку высказывать на балконе, но сквозь дрему я невольно слушал мощное, протяжное, в десятки молодых сильных женских голосов пение, и даже различал слова:

— Зачем ходил,
на круг водил,
Зачем подарочки дарил?
Из-за тебя, мой крокодил,
Никто ко мне
не подходил...

О господи... Сон слетел. Что-то вспыхнуло во мне и лопнуло, и опять со смехом вспыхнуло. О, мой крокодил! О, бездонная сила, проглатывающая очередного зубастого искателя! О, неистощимость наших душ...

И уснул спокойно.